

Памяти о. Михаила Остроумова.

Я часто, жизнью угнетенный,
Къ тебѣ съ печалью приходилъ,
А отъ тебя, какъ обновленный,
Съ надеждой свѣтлой отходилъ.

И не одинъ я приходилъ къ нему съ своими печалами: двери его дома были открыты для всѣхъ; для cadaго онъ могъ найти утѣшеніе. Онъ, по какому-то свойственному ему дару, умѣлъ разгонять мрачность, — и всякое горе, печаль, пужда подѣ вліяніемъ его словъ казались ужъ не столь страшными.

Человѣкъ глубокой религіозности, безусловной честности и исполнительности, онъ былъ для своихъ прихожанъ не простымъ іереемъ, исполнителемъ церковныхъ службъ и требъ, а былъ ихъ другомъ, наставникомъ и образцомъ для подражанія. А поэтому такъ велико было его вліяніе на нихъ! Войдите въ Еремьевскую церковь и вы сразу подумаете, что здѣсь служилъ пастырь

добрый, что прихожане его должны быть радующимися къ благолѣпію и украшенію храма Божьяго: всюду чистота поразительная, иконостасъ горитъ отъ позолоты, блестятъ подсвѣчники, паникадила... Да, ереминцы любятъ свой храмъ, жертвуютъ на украшеніе его, кто отъ избытка, а кто и отъ скудости, но и самая любовь ко храму у нихъ тѣсно связана съ любовью къ о. Михаилу,—вѣдь только при немъ и храмъ такъ благоуукрашенъ. Но пужно было быть въ ихъ церкви, видѣть и слышать воодушевленное служеніе отца Михаила, стройное пѣніе (пѣли и дѣти-ученики церковно-приходской школы), прилежную молитву молящихся, и тогда только будетъ ясно, кого лишились послѣдніе. Надо было быть закоренѣлымъ атеистомъ, чтобы при служеніи его не поддаться молитвенному настроенію, не слиться съ нимъ и его пасомыми въ общей молитвѣ.

Вѣрится, что прихожане о. Михаила не забудутъ его, будутъ памятовать о немъ, какъ іереѣ Божіемъ, человѣкѣ безпорочной жизни, ревностномъ пастырѣ и другѣ своихъ пасомыхъ и вмѣстѣ съ слезами молитвы ихъ объ упокоеніи его души „въ селеніихъ праведныхъ“ будутъ возноситься къ престолу Всевышняго!

И не для однихъ только своихъ пасомыхъ былъ дорогъ почившій пастырь. Мнѣ особенно памятно его отношеніе къ намъ, учащимъ сѣвернаго края Турпискаго уѣзда, гдѣ въ силу мѣстныхъ условій трудъ учительства сугубо тяжелъ и требуетъ напряженія всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ учащаго. Какъ уставшіе обезсиленные путники—мы спѣшили подъ кровъ его дома; и какъ уютно, свѣтло и радостно было въ кругу его, согрѣтой взаимной любовью семьи, когда онъ, всегда оживленный и радостный, излагалъ свои взгляды на учительство, на высокое назначеніе школь и подъ наплывомъ внушенной имъ бодрости, душа рвалась впередъ, хотѣлось быть, подобно ему, полезнымъ!

Духовенство 3-го благочинія Турпискаго уѣзда всегда выдѣляло его изъ своей среды, какъ человѣка талантливаго, заслуживающаго общее довѣріе, что видно изъ того, что онъ состоялъ агентомъ по страхованію церквей и церковныхъ имуществъ, былъ депутатомъ отъ благочинія на минувшемъ епархіальномъ съѣздѣ духовенства, а одно время даже исполнялъ и обязанности благочиннаго.

Село Ереминское было первымъ и послѣднимъ мѣстомъ его священническаго служенія. Въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ онъ ушелъ во врата иной жизни. Скончался онъ послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни на 34 году жизни. Вмѣстѣ съ убитой горемъ его супругой съ пятерыми дѣтьми (изъ которыхъ старшей дѣвочкѣ лишь 9 лѣтъ), безвременную смерть его оплакиваютъ всѣ, кто только зналъ его.

Да будетъ какъ пухъ, легка сомкнувшаяся надъ нимъ земля, и да вселитъ Господь душу его тамъ, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безкопечная!“

Учитель *Павель Жолобовъ*.